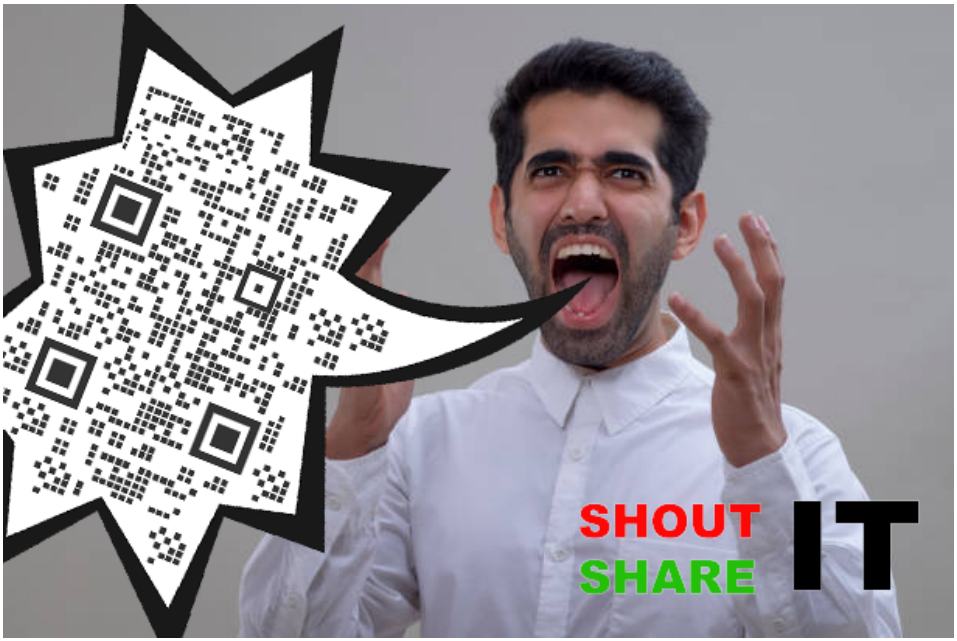
Заметки о Николае Кладо

Андрей Ветер


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Небольшие публикации о жизни Николая Лаврентьевича Кладо. Он был историком и крупнынейшим теоретиком русского флота.

- Андрей Ветер
  -

Андрей Ветер

Заметки о Николае Кладо

ТРАГЕДИЯ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

Трудно начать рассказ о Николае Лаврентьевиче Кладо, так как сложно найти нужную точку отсчёта. О чём говорить в первую очередь? О его карьере морского офицера? Или о его теоретических трудах, которые совершили настоящий переворот в военно-морском деле? Одно не отделимо от другого…

Когда в 1904 году газета «Новое Время» опубликовала статью под названием «После ухода Второй эскадры Тихого океана», автором которой подписался псевдонимом Прибой, разразился скандал. Газета считалась оппозиционной, а указанная статья вынесла на суд широкой общественности сведения о катастрофическом положении в российском флоте, что было расценено высшими чинами Морского ведомства чуть ли не как измену Родине.

Предвидя такую оценку, автор статьи сказал: «Мне приходится говорить о таких вещах, в рассуждениях о которых надо бережно взвешивать каждое слово, чтобы не сказать того, чего не знает наш противник и что может быть ему полезно, хотя бы это и могло помочь доказательности моих предложений.»

Вторая эскадра Тихого океана – эта та самая эскадра адмирала Рожественского, потерпевшая поражение при Цусиме во время русско-японской войны. Что было причиной того страшного разгрома?

«Это теперь известно всем, уже в бой 28-го июля наши суда выходили со значительно уменьшенным числом орудий. С них были свезены для усиления береговой обороны Порт-Артура, далеко не законченной к началу войны, кроме массы мелких пушек, половина всех 75-ти мм. орудий… не только с полным запасом снарядов, но и с полным комплектом прислуги и офицеров. Эти корабли были ослаблены не менее, чем на одну треть!…

… На Порт-Артуре мы вновь видим, что флот должен себя уничтожать, чтобы защитить приморскую крепость, когда весь

смысл приморской крепости в том и состоит, чтобы дать надёжную защиту флоту, ещё не готовому к выходу, пришедшему туда для пополнения запасов и укрывшемуся туда после боя, в особенности неудачного, для исправления полученных повреждений, чтобы с новыми силами ринуться на врага!»

Очень быстро выяснилось, что автором нашумевшей публикации был капитан второго ранга Николай Лаврентьевич Кладо, назначенный в эскадру адмирала Рожественского официальным историографом. Выступив с открытой критикой сложившегося в военно-морской сфере положения дел, чего не позволял себе никто, Кладо вызвал бурное недовольство начальства. Второго мая 1905 года Высочайшим приказом за № 605 он был, как указано в послужном списке «исключён из службы». К этому времени он считался уже видным военным теоретиком, преподавал военно-морское искусство в Морской академии и опубликовал пятнадцать самостоятельных трудов по морской войне, в том числе и курс истории военно-морского искусства в семи томах. И всё же Николай Кладо был уволен, и этот факт был назван в одном из писем на имя морского министра «печальным для флота обстоятельством».

Публикации Николая Кладо в газетах «Новое время» и «Новый Край» пользовались такой популярностью, что статья «После ухода Второй эскадры» в том же году была издана отдельной книгой, на которой стоял теперь не псевдоним, а настоящее имя автора – Н.Л.Кладо.

Чтобы понять, о ком и о чём идёт речь, нужно отмотать киноленту времени назад и проследить за судьбой Николая Кладо, а также за настроениями в офицерской среде конца девятнадцатого-начала двадцатого столетий и как складывались отношения между военными учёными и высшими военными чинами.

Николай Лаврентьевич Кладо родился в 1862 году в семье морского артиллериста. В тринадцать лет он уже твёрдо решил стать морским офицером, в 1881 году он окончил Морское училище, в 1886 – Николаевскую Морскую Академию.

Свою научную деятельность Кладо начал в то время, когда не только в России, но и за границей большинство морских офицеров совершенно не интересовались военно-морскими науками. Сама возможность существования таких наук ставилась под сомнение даже наиболее передовой частью командного состава и потому офицерский корпус оставался глубоко равнодушным к изучению каких бы то ни было научных вопросов. По сути военная техника, стремительно усовершенствовавшаяся из года в год, отдавалась в руки невежественных в военном

отношении офицеров.

Николай Кладо был одарён редкой проницательностью и, раньше многих других осознав опасность такого положения дел, начал горячо агитировать за то, чтобы офицерство почувствовало острую необходимость в изучении военно-морской науки, которая в действительности была ещё не наукой, а лишь зародышем её и требовала пристального внимания и всестороннего развития.

«С тех пор как существуют люди на земле, они беспрестанно воюют; уже тысячи лет назад целые народы обрушивались друг на друга с целью завоевания, а между тем первый научный трактат по стратегии появился лишь в 1782 году. И трактовал он исключительно о ведении войны на суше и, конечно, как первая попытка был далеко не совершенен. Очевидно также, что с появлением этого трактата стратегия не являлась ещё в виде науки, пригодной и приспособленной для практического применения. Для этого она должна быть в таком состоянии, чтобы могла проникнуть в толщу личного состава офицеров военной силы.» (Кладо)

Первая военная академия была основана в Берлине в 1816 году, а вскоре после этого (в 1832 году) в России появилась Императорская Военная Академия. Впрочем, в изучении военных вопросов предпочтение отдавалось тактике, а не стратегии. В 1865 году генерал Леер был вынужден констатировать, что в нашей академии преподавание стратегии сводилось «к обзору наиболее выдающихся сочинений по стратегии исключительно в догматической форме, то есть к чистому умозрению», а военная история, то есть тот фундамент, на который могло бы опираться это умозрение, преподавалась так, что один из профессоров назвал этот курс «вензелями, написанными ногами армии», и офицеры-слушатели окрестили военную историю «наукой о том, кто куда пошёл».

«Самые сложные из всех наук, – размышлял Кладо, – это социальные, а сложнейшая между ними – наука о войне. В ней приходится исследовать помыслы и действия людей в сфере смертельной опасности, что представляет собой исключительную трудность, которая увеличивается ещё тем, что цель науки – выработать указания для победы над врагом, который столь же страстно хочет победить вас, всегда представляют для вас в значительной мере загадку, так как он всеми мерами скрывает от вас свои помыслы.»

В 1895 году при Морской Академии были учреждены курсы военно-морских наук для адмиралов и командиров флотов. Кладо читал там лекции по морской тактике и по истории военно-морского искусства. Прочитанные им лекции в определённом

смысле послужили отправной точкой для активного развития военно-морского дела в России.

Первая крупная работа Кладо вышла в 1899 году и представляла собой собранные воедино лекции, прочитанные им в Кронштадтском морском собрании и в Обществе ревнителей военных знаний. Написанная Николаем Лаврентьевичем книга не была ещё в полном смысле этого слова теоретическим трудом, скорее – популяризацией научных знаний. Сам же он охарактеризовал книгу как попытку «представить себе тот идеал, к которому следует стремиться, и… выяснить те потребности, которые должны быть предъявлены ко всякой правильно организованной морской силе».

«Возвратившись с Дальнего Востока, где я в продолжение двух лет плавал в должности непосредственного помощника начальника эскадры Тихого океана, я девять лет занимал кафедру военно-морского искусства, морской тактики и морской стратегии в Николаевской Морской Академии. В продолжение этого времени я каждое лето находился известное время в плавании… Наконец мне пришлось пробыть пять месяцев на французском броненосном крейсере «Лото Тревиль», который составлял одно из судов высшей военно-морской школы Франции… Во время этого плавания я прослушал курс этой школы, участвовал во всех практических занятиях и, вместе с крейсером, участвовал в трёхнедельных больших манёврах в Средиземном море…»

Рассказывая о себе, Николай Кладо отмечает, что вместе с профессором инженерной академии Буйницким он вёл практические занятия в офицерской артиллерийской школе, куда командировались офицеры береговой артиллерии из всех приморских крепостей. В это время Кладо имел возможность посетить почти все наши приморские крепости, в некоторых побывал по несколько раз.

Кладо настаивал на том, что главная задача всякой военной академии – работать над установлением единства военного мышления в военном сословии. «Без такого единства всегда было трудно воевать, а теперь это положительно немыслимо. Ни один начальник ни в какой области, даже в самой тесной, например даже на отдельном корабле, не может предвидеть и всем распорядиться сам – он должен во многом предоставить широкую инициативу своим подчинённым… К этому невозможно сколько-нибудь приблизиться без единства военного мышления.»

В то же самое время этой проблемой занимался вице-адмирал Степан Осипович Макаров – флотоводец и военно-морской теоретик. В 1897 году Макаров опубликовал капитальный труд

«Рассуждения по вопросам морской тактики». Любопытно, что адмирал Макаров рассуждал о тактике, а лейтенант Кладо взялся за исследование проблем стратегии, то есть обратился к высшей области военно-морской науки. И одно это уже удивительно. Стратегическим мышлением обладают единицы. Тем более мышлением, способным обобщить имеющийся опыт всех предыдущих войн, переработать его и превратить в научную систему.

В октябре 1906 года в газете «Кутлин» была опубликована статья «Некоторые выводы из Шантунгского и Цусимского сражений», в которой один морской офицер сказал: «Какая забота строевому составу флота и армии углубляться в бездну премудрости, когда в сущности всё дело обстоит значительно проще. Разве Александр Невский, Дмитрий Донской, Пётр Великий, Суворов и другие выдержали бы экзамены даже в юнкерское училище, а не только в академию генерального штаба; однако они оставили после себя бессмертные образцы военного искусства.»

Слыша вокруг себя такие речи, Николай Лаврентьевич Кладо всё же не падал духом и продолжал пропагандировать идею высшего военного образования. Понимая, что невежество всегда прячется за спины гениев, Кладо не уставал повторять, что гениальными полководцами, одарёнными сказочной интуицией, рождаются единицы, поэтому для успеха в войне нужны обширные и крепкие знания всего командного состава. Конечно, теория ничего не решает, она лишь объясняет. Решает практика, но разумно она может делать это, только руководствуясь объяснениями теории. В качестве примера такой теоретической подготовки Кладо приводил адмирала Бутакова и его книгу «Новые основания пароходной практики», одна из глав которой посвящена таранному бою.

«Вот если начать практиковаться в таранном бое с такой подготовкой (а так это и делали в эскадре Бутакова на особых таранных баркасах), то практикующимся уже не приходилось бы терять времени на то, чтобы наткнуться путём продолжительной практики на те исходные положения, которые на бумаге получаются в самое короткое время… Именно адмирал Бутаков, сделав подробный теоретический разбор таранного боя, был способен организовать таранные упражнения, и притом так, что они приносили огромную пользу участвовавшим в этих упражнениях офицерам.»

К сожалению, со смертью Бутакова окончились и таранные упражнения, а его таранные баркасы были переданы в артиллерийский отряд и прослужили там десятка два лет для

развозки учеников по судам.

Этот пример наглядно демонстрирует отсутствие того самого единства военного мышления, о необходимости которого твердил Николай Лаврентьевич. Труды одного человека и очевидная польза этих трудов вовсе не принималась во внимание другими людьми. Разве это не трагедия военной мысли?

«Жизненная деятельность государств проявляется в двух, очень резко разграниченных между собой областях: в устройстве внутренней своей жизни и во внешних сношениях – в установлении таких отношений между государствами, при которых могли бы быть соблюдены их общие и согласованы противоположные интересы. Когда об этих интересах возникает спор и никто из спорящих не может или не хочет уступить, остаётся один путь – решить этот спор силой оружия.

Значит, война – это одна из сторон проявления жизненной деятельности государств… Война – это продолжение внешней политики с оружием в руках. А значит, ведение войны связано с политикой, исходит из неё и находится от неё в постоянной зависимости… Очевидно, что стратегия, подготовляющая и ведущая войну, тесно связана с политикой, которая должна указать ей, с кем и к какому времени следует подготовить войну… Значит, практическая задача стратегии очень сложна – это разрабатывать планы подготовки государства к войне и ведения войны, поддерживая эти планы всё время в соответствии с обстановкой, то есть с географическим, этнографическим и экономическим положением.» (Кладо «Этюды по стратегии»)

В России конца девятнадцатого века велись яростные споры о природе войны, о возможности или невозможности её исключения из жизни человечества. В эти споры была вовлечена интеллектуальная элита страны и высшее государственное руководство.

В мае 1896 года состоялась коронация Николая II.

Генерал Редигер вспоминал, что «на коронации государя около 20 полковых командиров, прослуживших в чине полковника не менее 16-ти лет, были произведены в генералы с оставлением в должностях. Такой застой давал армии престарелых вождей, едва терпимых в мирное время и вовсе негодных в военное время».

К этому времени Кладо уже год преподавал военно-морское искусство в Морской Академии.

В 1897 году была проведена первая всеобщая перепись населения российской империи. По данным переписи в России проживало почти 130 миллионов человек. В городах проживало только 13% населения, хлебом кормили половину Европы, армия

– самая большая в мире, флот по числу боевых кораблей в строю был третьим, уступая лишь Англии и Франции.

В конце девятнадцатого-начале двадцатого столетий флот имел первостепенное значение. Статус страны, обладавшей мощным военным флотом, можно сравнить со статусом ядерной державы в наше время.

Историки называют то время эпохой безудержного маринизма. Государи всех стран с головой отдались увлечению флотом, и это понятно: экономика каждого государства зависела от состояния морских путей – более восьмидесяти процентов мирового торгового оборота осуществлялось по морю.

Флот стремительно развивался, превращался в центр аккумулирования всего самого передового. И это касалось не только техники и вооружения, но и теории. Парусные суда ушли в прошлое, уступив место паровым кораблям. Но стремительность, с которой менялся флот, застала командный состав врасплох.

Корабельный инженер Костенко, участвовавший на броненосце «Орёл» в Цусимском сражении, вспоминал:

«Когда развившаяся техника проникла в русский флот, то его руководители не распознали в этом явлении нового ведущего начала, которое предопределяет всю будущую эволюцию флота. Они продолжали цепко держаться за освящённую двухсотлетней историей постановку морского дела. Все высшие руководители нынешнего флота, начиная от великого князя генерал-адмирала Алексея и кончая любым капитаном первого ранга, командиром корабля, получили образование в те времена, когда ещё были живы традиции парусного флота, а паровой двигатель казался лишь заменой парусов при безветрии. Так было ещё в восьмидесятых годах девятнадцатого столетия. Действующий в настоящее время Морской устав, система морского ценза, воспитание личного состава и дух воинской дисциплины флота ещё остались всецело пропитанными идеологией парусного времени, которая казалась старым морякам незыблемой и переходила от одного поколения к следующему.»

Высший командный состав флота не учёл происшедших в начале двадцатого столетия изменений. Он продолжал черпать свои взгляды на тактику морского боя, на методы командования и боевой подготовки личного состава из старого опыта. Разнобой в области тактических взглядов привёл к тому, что Морское министерство не смогло выработать устойчивую программу создания нового флота. Флот не имел ясного осознания своих стратегических и тактических задач.

Моряки старого воспитания, удерживали за собой все ключевые посты. Конечно, они не отказывались от использования

новой техники, ибо прекрасно осознавали, что нелепо было противопоставлять противнику отсталый флот. Но всё же цеплялись за свои привычки и не желали пускать в руководство людей нового времени, чтобы не лишиться под напором прогрессивной волны своего положения. Тем временем моряки молодого поколения уже впитали в себя уважение к передовой технике.

«Матрос нового времени, – писал Костенко, – должен быстро соображать. Мускулы утратили первенствующую роль. Без технической выучки и знаний матрос не годен для ухода за теми механизмами, которые ему доверяются.»

Возможно, именно то, что флот стал воплощением всего самого передового, что предлагала наука и техника того времени, заставил Николая Лаврентьевича Кладо отдаться военно-морскому делу с настоящей любовью. Рассуждая о военных кораблях, Кладо говорил о них так, словно вёл речь о живых существах, к которым он относился с нежностью; он избегал бесцветной технической терминологии, стремился пробудить в слушателях искренний интерес к раскрываемой теме.

В 1898 году императорское правительство России издало «русский циркуляр о мире», а в 1899 году по инициативе и под патронажем Николая II была проведена международная конференция по разоружению. Россия призывала другие государства и народы отказаться от войн, приступить к немедленному разоружению.

Кладо был серьёзно озадачен таким ходом событий. Он скептически смотрел на тех, кто намеревался улаживать спорные вопросы путём так называемого «международного права». Согласно его мнению, «зародилось это «право» таким же путём, как и обыкновенное право, то есть путём насилия. Народы сталкивались между собой в борьбе за средства удовлетворения потребностей… и обыкновенно решали спорные вопросы войной. Победитель, наступив ногой на горло побеждённого, заключал с ним договор и такого рода договоры положили начало «правовым» отношениям государств между собой.»

Николай Лаврентьевич понимал, что политика в вопросах войны и мира должна опираться не на благие пожелания, а на фундаментальные знания природы войны. Этот вопрос вскоре стал для него главным в его научной деятельности. Познание природы войны – это необходимая принадлежность воинского звания, – настаивал он. Позже в «Очерках мировой войны» он скажет: «Человечество, несмотря на всю утончённость своей культуры, на возросшую нервность и широко распространённую неврастению, не потеряло способности воевать! Никакие ужасы

новейшей техники не уничтожили и даже не ослабили этой способности, не охладили военного пыла, когда задеты жизненные интересы людей, которые никак иначе не отстоять, как силой оружия.»

Николай Петрович Михневич, другой видный военный теоретик, также придерживался точки зрения, что войны вечны и их не избежать. Как и Кладо, Михневич обращал внимание на то, что условия ведения войны постоянно меняются в силу развития технических средств. «Поэтому каждая эпоха имеет своё, отличное от других, военное искусство.»

Михневич был почти на десять лет старше Кладо и приступил к изучению военной науки значительно раньше Николая Лаврентьевича. Жизнь Михневича в науке была более ровной и спокойной, чем жизнь Кладо, он не знал внезапных взлётов и падений, его взгляды не вызывали бурных протестов коллег. И всё же он делал своё дело, нередко делая далеко идущие выводы. Пожалуй, он был первым, кто увязал возможность ведения войны с уровнем культуры и развитием цивилизации в целом. «В настоящее время, – утверждал он, – победа кроется уже не столько в числе и энергии, сколько в экономическом развитии и нравственном превосходстве.»

Надо признать, что для большинства офицеров вопросы экономики лежали далеко за пределами их кругозора, военное дело они рассматривали очень скупо, а потому зачастую дело это пребывало в состоянии крайне плачевном.

Начальник штаба Варшавского военного округа генерал Гершельман писал в 1901 году: «В Петербурге я провёл около десяти дней и за это время немало занимался в Главном штабе, знакомясь с разными соображениями по вопросам обороны… Но должен сказать, что во всём прочитанном я не нашёл ничего законченного, не нашёл разработки дела до конца… По этой причине я не мог составить общей картины дела, извлечь из прочитанного окончательных решений…»

Он же в 1902 году: «В делах по обороне… не было ничего определённого, ничего законченного. Мы разбрасывались в массе нередко противоречивых предположений, хватались за всё, ни на чём не останавливаясь и порождая в себе только полную неуверенность к своим решениям, которые постоянно менялись.»

Очевидно, что офицерский корпус не имел твёрдой внутренней установки на самосовершенствование. К новым техническим достижениям офицеры относились более чем равнодушно. Так, например, к началу русско-японской войны в войсках появились скорострельные орудия нового образца, но, как писал в своих воспоминаниях полковник Генерального штаба

Грулев, «артиллеристы наши пошли на войну, почти совершенно не зная свойств своей новой пушки». Командный состав надеялся на лёгкую победу, готовый выиграть любое сражение не умением, а числом брошенных в бой солдат.

Между тем приближалось время испытаний. Япония готовилась к войне, готовилась серьёзно. Для Японии эта война была крупномасштабной, полноценной, Россия же рассматривала надвигавшуюся битву как пограничный конфликт местного значения.

Из воспоминаний Витте, министра финансов: «Государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя и с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги… В первое время обыкновенное выражения его в резолюциях было – «эти макаки». Затем это название начали употреблять так называемые патриотические газеты, которые в сущности содержались на казённые деньги.»

Из воспоминаний Сабашникова, крупнейшего книгоиздателя тех лет: «Война с Японией упала как снег на голову. Когда Япония отозвала своего посла, я, встретившись с министром внутренних дел Джунковским, спросил: «Мы, стало быть, воюем?» Он решительно отрицал эту возможность, выражая, очевидно, то, чему верили или хотели верить правящие круги».

По свидетельству Витте, сам Николай II не раз говорил, что этой войны не будет, так как она ему не нужна.

Ряд тяжёлых неудач ознаменовал эту войну. Удручающее впечатление произвела на всех гибель наткнувшегося на мину броненосца «Петропавловска» с адмиралом Макаровым и художником Верещагиным на борту. Затем был проигран Тюренчский бой, после этого последовали поражение при Ляояне и трагедия Порт-Артура.

Из воспоминаний атамана Семёнова: «Мне было 14 лет. Читая в газетах сообщения Штаба Главнокомандующего о действиях на фронте против Японии, я болезненно переживал боевые события, складывавшиеся на фронте не в нашу пользу. Я никогда не забуду впечатления, которое произвели на меня сообщения об отступлении от Ляояна и от Мукдена. Эти события весьма остро переживались всем населением России, и только социалисты разных толков и оттенков радовались несчастиям своей Родины…»

Во время русско-японской войны Николай Лаврентьевич Кладо был назначен начальником оперативного отдела в штаб командующего Тихоокеанским флотом – вице-адмиралу Рожественскому. Операции Владивосточного отряда крейсеров – кстати сказать, единственно-удачные наши операции в эту войну

– были разработаны при личном участии Кладо.

В октябре 1904 года Вторая Тихоокеанская эскадра Зиновия Петровича Рожественского, последовала с Балтики на Дальний Восток. И ту произошло то, что вошло в историю как Гулльский инцидент.

Из дипломатических источников и от разведки то и дело поступали сведения о тайных приготовлениях японцев для нападения на русскую эскадру в пути. В связи с тем, что Англия являлась военным союзником Японии и могла предоставить японским кораблям базы на своей территории, эскадра Рожественского пребывала в постоянном напряжении. Для японцев не представляло никакого труда снарядить в европейских водах небольшой отряд миноносцев или вооружить минными аппаратами какие-либо, невинные с виду, парусные шхуны, яхты или рыболовецкие мелкие посудины.

В ночь с 8 на 9 октября к эскадре приблизился неизвестный военный корабль, по которому сразу был открыт огонь. Лучи прожекторов беспорядочно метались во все стороны. Неизвестный эсминец скрылся, но, как выяснилось позже, на пути русской эскадры оказалась рыбацкая флотилия. Пароходики тащили сети, плохо слушались руля и не успели уйти с курса эскадры. На этих-то рыбаков, которых в кромешной тьме приняли за неприятельские боевые корабли, и обрушился шквального огонь.

Корабельный инженер Костенко, находившийся на борту броненосца «Орёл», писал: «Но более всего мы были поражены сообщением, что есть телеграмма с крейсера «Аврора» о повреждениях, полученных ею от наших перелётов. Оказывается, это она светила слева прожектором и навлекла на себя огонь. В неё попало пять мелких снарядов; один из них разорвался в каюте священника, которому оторвало руку и ногу, другим снарядом был ранен комендор. В критический момент наши крейсера неожиданно оказались в 30 кабельтовых слева от нас и попали под обстрел.»

Через несколько дней Англия предъявила требование отставки и предания суду командующего 2-й эскадры адмирала Рожественского и командиров всех кораблей, причастных к расстрелу английских рыбаков. Дело приняло серьёзный оборот. Русская эскадра получила приказ загасить все топки и стоять в порту Виго плоть до дальнейших распоряжений.

18 октября стало известно из газет, что Франция выступила с инициативой собрать в Гааге международную морскую конференцию с участием видных адмиралов морских держав в качестве экспертов, на которую будет возложена задача вынести согласованное заключение о действиях адмирала Рожественского.

От штаба 2-й эскадры командировался капитан второго ранга Николай Лаврентьевич Кладо, а также по одному представителю с броненосцев «Александр» и «Бородино».

19 октября эскадра покинула Виго и пошла дальше по своему назначению, а в Гаагу стали стекаться чиновники морских ведомств для разбора инцидента. Возможно, присутствие Кладо в Гааге спасла ему жизнь, так как он не смог участвовать в сражении при Цусиме.

Зиновий Петрович Рожественский, как гласит официальная формулировка, действовал при Цусимском сражении пассивно и не сумел организовать боя русской эскадры. Он был ранен и взят в плен на миноносце «Бедовый». По возвращении в Россию Рожественский был предан военно-морскому суду, но оправдан как тяжело раненый в бою и в 1906 ушёл в отставку.

Свидетели того времени подчёркивают, что первые же неудачи на театре войны и тем более Цусимская катастрофа погасили в народе волю к борьбе.

Максим Горький: «Мне пришлось быть в Старой Руссе во время мобилизации; стою на платформе, сажают солдат в вагоны, бабы ревут, пьяные орут, трезвые смотрят так, точно с них кожу сдирать будут через час… Между прочими прискорбными рожами вижу одну – настоящий эдакий великорусс: грудища, бородища, ручищи, нос картофелиной, глаза голубые… И эдакое спокойное лицо, эдакое терпеливое, уверенное в том, что никогда ничего хорошего не может быть… не будет никогда! Держит за плечо свою оплаканную, раскисшую в слезах бабёнку и внушает ей могильным голосом, но спокойно – заметьте – спокойно внушает, что продать, сколько взять и прочее. Никаких надежд на возвращение, видимо, не питает. И не мобилизация это для него, а ликвидация жизни, всей жизни! Понимаете? Я ему говорю – что ж ты, братец мой, так уж, а? Отправляешься на эдакое дело, а духа никакого! Надо, братец мой, дух боевой иметь, надо надеяться на победу и возвращение домой со славой! Для Родины это, пойми… Мы, говорит, ваше благородие, это понимаем! Мы, говорит, согласны исполнить всё, что прикажут. Да ты, говорю, сам-то как – хочешь победы? Нам, говорит, не то что победа, а хоть бы и совсем не воевать.»

Генерал Брусилов: «Эта проигранная нами война, закончившаяся революцией 1905-1906 годов, была для российских вооружённых сил ужасна в том отношении, что мы упорно готовились к войне на Западном фронте и в то же время неосторожно играли с огнём на Дальнем Востоке, фронт которого нами совершенно не был подготовлен. Только в самое последнее время перед японской войной мы наспех сделали кое-что, так

сказать на «фу-фу», рассчитывая лишь попугать Японию, но отнюдь не воевать с нею… Можно смело сказать, что война эта расстроила в корне все наши военные силы…»

К началу русско-японской войны среди обер- и штаб-офицеров не было лиц, не получивших военного образования. Только среди генералов, начинавших службу в 50-е или первой половине 60-х годов встречались лица, у которых в графе «образование» значилось «на службе», то есть специального военного образования не имели.

Генерал Деникин, говоря о профессиональной подготовке военных, указывал в книге «Старая армия»: «До войны начальник, начиная с должности командира полка, мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями.»

Как вспоминает бывший на русско-японской войне протопресвитер русской армии и флота Шавельский, «в 1905-1906 годах командующий Приамурским военным округом генерал Линевич, увидев гаубицу, с удивлением спрашивал: что это за орудие?» Тот же Линевич не умел как следует читать карты и не понимал, что такое движение поездов по графику. «А среди командиров полков и бригад, – замечает дальше Шавельский, – иногда встречались полные невежды в военном деле. Военная наука не пользовалась любовью наших военных.» Но эти строки, открывающие нам истинное положение дел, написаны много позже.

А Николай Кладо уже в то время, то есть по горячим следам, позволил себе открыто критиковать сложившееся в военно-морской сфере положение дел. Знаменитые публикации в газете «Новое время» за 29 января-14 апреля 1905 года вызвали бурное недовольство начальства. Да и не могло обойтись без недовольства, когда статьи Кладо выставляли на позор самые верхи военного руководства.

«Обратили ли вы внимание, как обставлен главнокомандующий сухопутными и морскими силами для руководства морскими операциями? Для этого у него имеется морская походная канцелярия и начальник этой канцелярии Русин. Это выдающийся по своим способностям офицер, но всё-таки не более чем капитан второго ранга, то есть по-сухопутному подполковник, и не более как начальник канцелярии. Какое же влияние он может иметь на решения и распоряжения главнокомандующего морскими силами, да ещё не моряка по профессии?

Когда главнокомандующим был адмирал Алексеев, начальником его штаба стоял генерал-лейтенант с огромным числом помощников, а во главе морского штаба стоял контр-адмирал Витгефт. А когда последнему пришлось остаться в Порт-Артуре, морским штабом командовал капитан первого ранга Эбергард. Но именно штабом, а не канцелярией! Отчего же, когда главнокомандующим сделался генерал Куропаткин, морской штаб вместо того, чтобы получить развитие, ввиду того, что главнокомандующий не моряк, вдруг исчез совсем и обратился в канцелярию, во главе которой только капитан второго ранга?»

Второго мая 1905 года Кладо был исключён из службы, о чём мы сказали в начале нашего фильма.

Впрочем увольнение Кладо со службы не означало, что он прервал свою научную работу. Кладо продолжал выступать в Морской академии и в Обществе ревнителей научных знаний, где появлялись всё новые и новые слушатели и куда приглашались с лекциями самые уважаемые военные теоретики.

Из дневника Михневича за 1905 год:

«8 декабря, четверг. Прочёл в собрании Общества ревнителей военных знаний лекцию на тему «Эволюция и прогресс в военном деле». Удачно. Аудитория и хоры переполнены…

15 декабря, четверг. В Обществе ревнителей знаний читал лекцию на тему «Основные идеи военного искусства и их применение в области стратегии и тактики». Громадное стечение публики…»

История создания «Общества ревнителей военных знаний», где многократно выступали с лекциями Кладо, Михневич и другие видные военные теоретики, требует, чтобы мы уделили ему хотя бы малую толику внимания, ибо она очень ярко характеризует отношение высшего руководства к научным знаниям.

«Общество» возникло в Петербурге 90-х годах девятнадцатого столетия. Инициатором его был офицер Новицкий, тогда старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Он организовал так называемые «вечерние бдения», на которых его единомышленники часто горячо разбирали научные вопросы не вполне ясно изложенные в академии. Новицкого особенно интересовала военная психология. Постепенно число участников кружка увеличивалось. Вскоре стали звучать настоящие доклады, прения. О собрании начали говорить. Забеспокоилось начальство, далеко не склонное покровительствовать тем, кто жаждал знаний. В результате на одном из собраний был обнаружен агент тайной полиции. Это обстоятельство послужило толчком к «легализации» общества. Удалось добиться расположения к кружку начальника

штаба гвардейского корпуса, а через него и главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. В 1898 году военный министр Куропаткин утвердил устав «Общества ревнителей военных знаний», ставившего своей задачей «распространение среди офицерства военных и общих знаний».

Однако многие из генералитета отнеслись к вновь созданному обществу отрицательно. Так, бывший военный министр Ванновский, повстречав кого-то из офицеров, сказал: «Ну, батенька, счастье ваше, что я больше не министр. Я бы ни за что не разрешил такого общества». Показательным являются и слова начальника первой гвардейской пехотной дивизии князя Оболенского: «Не понимаю, где вы найдёте дураков, которые будут слушать ваши дурацкие лекции».

После увольнения Николая Лаврентьевича Кладо со службы на имя морского министра адмирала Бирилёва поступило множество писем.

«Честный и благородный характер господина Кладо, который создал науку морской стратегии в нашем флоте, отлично известен Вашему Превосходительству. Если я упомянул о Кладо, то во-первых, потому что пока его некем заменить в Морской Академии, а во-вторых и потому что знаю его даровитую натуру по совместной службе на отряде судов морского корпуса, где он был при мне единственным флаг-офицером, исполняя все штабные и строевые обязанности с выдающимся успехом…»

«Со скорбью в сердцах читаем о том, что капитан Кладо сделан «ненужным»!… Не он ли, ставя на карту себя, свою будущность, своё личное «я», руководимый беззаветной любовью к родине, осмелился возвысить свой голос среди общего молчания. Голос, дошедший куда следует?…»

«Адмирал! К Вам взывают многие, истинно любящие царя и отечество, явите себя светлейшим и живым героем среди наступившей тьмы и замерзания, мужественно забудьте всё лично неприятное Вам в капитане Кладо, протяните честную руку, и слава имени вашего переживёт нас, переходя из века в век.».

Надо полагать, что полные страстных призывов письма сыграли свою роль.

25 сентября 1906 года Кладо был вновь определён на службу и назначен штатным преподавателем Николаевской Морской Академии. На следующий год он был произведён в полковники, а в 1910 году был назначен ординарным профессором Николаевской Морской Академии, под сводами которой не переставал звучать его убедительный голос:

«Цель стратегии при изучении войны – это найти истинные причины, управляющие военными явлениями, или, по крайней

мере, подойти к ним как можно ближе. Цель преподавания стратегии – достигнутое приближение к истине перевести в способ мышления других. А для этого эти другие должны получить внутреннее убеждение в том, что то, что им преподаётся, есть действительно истина или посильное к ней приближение.»

В 1908 году на небосклоне Петроградской бюрократии появилось новое светило – генерал Сухомлинов. Были уволены генералы Палицын и Редигер, имевшие гражданское мужество указывать на отсталость нашей военной подготовки и на необходимость долгой, упорной работы, поставленной на научном основании. По словам некоторых мемуаристов, «невежественность Сухомлинова сочеталась с поразительным легкомыслием. Занимая пост военного министра, Сухмлинов пребывал в полном убеждении, что его полученные десятки лет назад знания, остались незыблемыми истинами, между тем как в действительности быстрое развитие военного дела требовало постоянной и напряжённой работы по изучению эволюции военного дела».

«Это, конечно, отразилось на планомерности всей работы по подготовке к войне, произведённой между окончанием войны с Японией и начавшейся в 1914 году войной с центральными державами, – вспоминал помощник военного министра генерал Лукомский. – Многое, что первоначально намечалось, в жизнь проведено не было. Когда прошёл острый период впечатлений от неудач прошедшей войны, многое заслонилось текущими работами и, если не совсем забылось, то перестало быть существенным, требующим изменений.»

Забылась, разумеется, и главная причина, которая затрудняла устранение хаоса в высшем военном управлении. Забылась научная организация работы, которая требовала не только отдельных выдающихся представителей науки, но и достаточно высокого уровня социальной среды. Интеллигентный слой России, к сожалению, представлял слишком тонкую прослойку, чтобы результаты работы отдельных учёных упали на благодатную почву.

С 1909 по 1912 годы Кладо опубликовал «Курс военно-морского дела для военно-морской академии», «Введение в курс военно-морского искусства», «О приморских крепостях», «Курс стратегии» в трёх томах и некоторые другие работы. Наконец, в 1913 году появились его знаменитые «Этюды по стратегии».

Во «Введении в курс военно-морского искусства» Кладо рассказал, что за два года до русско-японской войны на курсах военно-морских наук при Николаевской Морской Академии были

дважды проведены стратегические игры, на которых пришли к выводу, что нашему флоту грозит неминуемый разгром, но выводов никто не сделал.

Поражение в русско-японской войне выявило большие пробелы в подготовке флота. Личный состав не был научен в мирное время тому, что необходимо на войне. Отсутствие боевой подготовки и бездействие ведут к разложению флота. Поэтому, – подчёркивал Кладо – главнейшая задача истории военно-морского искусства – это «тщательно собрать признаки разложения и показать на основании прошлого картину будущего.»

Исследуя ход той печально знаменитой войны, он отмечал, что «русская рота всегда била японскую, русский полк всегда бил японский полк, но уже русская бригада и тем более дивизия боялись японских бригад и дивизий».

«Если во время войны оказывается, что нижние чины великолепны, младшие офицеры очень хороши, штаб-офицеры хороши и посредственны, а высший командный персонал никуда не годится, это ясно показывает, что в мирное время делался отбор для движения вперёд слабых в военном отношении, как в смысле знаний, так и в смысле характера. И потому делался такой отбор, что среда этих качеств не понимала, не ценила, не уважала, а ценила качества совсем другие, в военном деле второстепенные.»

Эта безрадостная мысль перекликается со словами генерала Брусилова: «Аттестация офицеров составлялась комиссиями, вполне безответственными за свои аттестации. При известном русском добродушии и халатности зачастую случалось, что недостойного кандидата аттестовали хорошо в надежде поскорее избавиться от него посредством нового, высшего назначения без неприятностей и жалоб со стороны обиженного… Существование гвардии с её особыми правилами было другой причиной недостаточно осмотрительного подбора начальствующих лиц. Дорожа своими привилегиями, гвардейские офицеры полагали, что между ними неудовлетворительных быть не может, и не раз случалось, что гвардейское начальство пропускало своими снисходительными аттестациями командирами полков людей заведомо неспособных.»

В отчёте генерал-лейтенанта Куропаткина сказано: «Аттестации мирного времени во многом оказались несоответствующими при боевом испытании. Начальники, которые проходили службу всюду с отметками «выдающийся», на боевом поле по физическим и духовным качествам не выдерживали боевого испытания. Наоборот, проходившие

служебный путь незамеченными – в боевой обстановке неожиданно развёртывали свои глубокие духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества. К числу последних принадлежит и незабвенный герой Порт-Артура генерал Кондратенко.»

Как бы то ни было, одна война осталась позади, другая постепенно подкрадывалась спереди. Армию надо было готовить к новым сражениям.

Вопрос подготовки личного состава к войне Николай Лаврентьевич считал наиболее актуальным.

«Стратегию в полном размере надо изучать с молодых лет. Не стремясь смолоду к глубоким познаниям в военном деле, офицер прямо не почувствует влияния этого на свою служебную деятельность, пока она протекает на низших чинах… А когда офицер, оставаясь в этом состоянии, дойдёт до тех степеней, когда почувствует необходимость в более полном знании, то может оказаться – слишком много времени пропущено…»

«У нас надо на вес золота ценить людей, имеющих особую охоту, наклонность к военному делу или хотя бы находящих в нём выгоду… У нас больше, чем у других, гибелен недостаток офицеров, мы не можем допустить, чтобы они бежали со службы. Они и так служат неохотно.»

«Прошли те времена (если таковые когда-нибудь были), – размышлял он, – когда можно было надеяться на победу, благодаря мысли, осенившей гения во время самого боя. Будущая война должна быть подготовлена задолго, и её средства должны быть тщательно подготовлены к употреблению. Вдохновенная мысль последнего момента должна опираться и должна быть поддержана силой общности мысли у всех.»

Условия ведения войны менялись с каждым годом, менялись стремительно, появлялась новая техника, новое оружие. Требовалось новое осмысление военного дела.

По этому поводу Кладо писал: «Генеральных сражений, решающих участь войны, уже нет… Пока не подорвана сила всего государства, стоящего за военной силой, до тех пор эта сила не надламывается. С тех пор как начали воевать народы, а не только их армии, главный удар приходится направлять против всего народа. Иначе трудно обессилить его армию… Чтобы ускорить надлом народа, надлом силы армии противника, а быть может и вообще, чтобы произвести этот надлом, надо сначала надломить ресурсы страны.»

На лекции Николая Лаврентьевича Кладо приходили сотни слушателей, причём чины не только морского, но и военного ведомства, что для того времени было крайне удивительно, ведь

между руководством армии и флота отношения были, мягко выражаясь, натянутыми.

В качестве примера можно привести следующий случай. 11 июля 1903 года начальник Главного штаба Сахаров представил доклад, касающийся развёртывания в случае войны 4-й армии, предназначенной для обороны Балтийского побережья. Согласно указанию Николая II, все морские средства, назначенные для обороны Балтийского побережья, отдавались в подчинение главнокомандующему 4-й армии. Казалось бы, естественно, что это распоряжение должно было быть тотчас сообщено морскому министру, однако на первом листе этого доклада сделана пометка: «Генерал Сахаров не приказывал сообщать это решение морскому министру до минуты объявления войны.» Трудно придумать что-либо более абсурдное.

Да, сегодня мы вынуждены признать, что флот и армия не были спаяны единым духом и задачами. Разросшийся бюрократический аппарат обоих ведомств не мог не повлечь за собой рост ведомственного сепаратизма. Николай Лаврентьевич открыто указывал на это как на один из ужаснейших недостатков своего времени и одну из причин поражения в японской войне.

«Армия и флот, вместо того, чтобы руководствоваться заветами Великого Петра, который завещал им, что потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет – обе руки имеет, и действовать как две руки одного человека, то есть вполне согласованно для достижения общей цели… Известно, что слабая сторона всякой союзной силы лежит в отсутствии взаимного доверия между союзниками, и как следствие этого – в отсутствии согласованных действий. Армия и флот – это тоже союзники, союзники нераздельные и вечные. Разойтись им нельзя никогда, и в этом сознании им надо неуклонно изучать друг друга, чтобы научиться друг другу доверять… А понимать друг друга не только армия и флот, но и вообще все люди, причастные к военному делу, будут только тогда, когда у них будут общие единые мысли о ведении войны.» (Кладо «Этюды по стратегии»)

«Военные науки едины по существу и цели и по главенствующему в них элементу – человеку, а различаются только по средствам и по обстановке приложения этих средств. К сожалению, печальная отчуждённость военно-сухопутного от морского сословия разделила и военные науки гораздо больше, чем это вызывается различием средств и обстановки. И в этой отчуждённости часто упускается их органическая связь и единство.»

Лишь в 1916 году впервые командующему Балтийским

флотом был подчинён армейский корпус, и адмирал Колчак готовился к проведению морской десантной операции стратегического уровня с целью овладеть Черноморскими проливами и вывести Турцию из войны…

Но это – в будущем, а пока Николай Лаврентьевич Кладо бился за то, чтобы донести до офицеров ясную мысль – в совместных действиях армии и флота кроется залог действительного успеха.

Он писал свои книги ясным, простым, доступным языком, что имело огромное значения для популяризации военных знаний в офицерской среде. Офицеры, несмотря на то, что были людьми грамотными, читали мало и неохотно, не без оснований полагая, что наука скучна и копаться в ней должны специалисты.

«В продолжение шестнадцати лет я работал над различными вопросами теории ведения войны, но только теперь начал приходить к некоторым результатам, которые я мог бы более или менее научно обосновать. Я подобрал уже достаточный материал для того, чтобы приступить к работе над курсом стратегии, которая – я отлично это сознаю – потребует ещё многих лет.»

Эти слова Николай Лаврентьевич Кладо написал в 1914 году, незадолго до начала мировой войны.

Война подкрадывалась к России, но страна, похоже, не была готова к широкомасштабным военным действиям.

Как утверждает в своих мемуарах генерал Брусилов, «в случае мобилизации не во что было одеть и обуть призванных людей, да и обоз развалился бы, как только он тронулся бы в путь».

«В то время темп германской подготовки заставлял думать, что войны с Германией не избежать, и, судя по приготовлениям немцев, надо было думать, что война будет в 1915 году. Поэтому выходило естественным, что к ней надо было готовиться.» (Джунковский «Воспоминания»)

Генерал Редигер: «В начале марта 1914 года Австро-Венгрия решилась на окончательное присоединение Боснии и Герцеговины. Она имела на это неоспоримое право, так как мы его признавали за нею ещё с семидесятых годов. Тем не менее, этот акт был для России неприятен, ибо наше тогдашнее соглашение было секретным, а теперь стало явным, и мы при этом рисковали утратить симпатии сербского народа. Вопрос о том, как нам отнестись к окончательной аннексии Австрией двух провинций, которыми она фактически владела около тридцати лет, обсуждался в Совете министров под председательством Государя.»

18 июля 1914 года в России началась мобилизация армии ввиду положения, занятого Австро-Венгрией по отношению к

России. Народ оказался законопослушным, и на призыв явилось до 98% всех призванных, то есть значительно больше, чем ожидалось по расчётам мирного времени.

В полночь на 19 июля России был предъявлен через германского посла в Петербурге от имени Германии ультиматум. Суть ультиматума заключалась в требовании немедленно приступить к демобилизации русской армии. Срок ультиматума истекал в полдень 1 августа.

20 июля Николай II, встречаясь с послом Франции Морисом Палеологом, сказал: «Я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны… Если бы вы знали его, как я… Если бы вы знали, сколько шарлатанства в его позах…»

30 июля газеты сообщили о нападении австро-венгерской армии на Сербию и о массированной бомбардировке Белграда. Балканский кризис 1914 года положил начало мировой войне. Как это схоже с событиями на Балканах конца XX века!

Вечером 1 августа германский посол явился к министру иностранных дел Сазонову и передал объявление войны, которое заканчивалось следующими словами: «Его величество император Вильгельм, мой августейший монарх, от имени империи принимает вызов и считает себя в состоянии войны с Россией.»

По поводу развязывания боевых действий Николай Кладо сказал однажды с грустью, что культурное развитие, доступное человечеству, ни в коей мере не ведёт к уничтожению войн. «А потому, покончив с этой войной, будем тщательно готовиться к следующей. Иначе, победивши в этой войне, не сможем использовать плоды победы».

Масштабы надвинувшейся войны потребовали от России одновременной мобилизации всех её вооружённых сил. Как вспоминал генерал Данилов, помощник начальника штаба верховного главнокомандующего, «даже одна Австро-Венгрия без Германии являлась столь серьёзным противником, что отделываться полумерами было невозможно. Вместе с Германией обе эти державы представляли собой чрезвычайно грозную силу. Для борьбы с ними пришлось поднять миллионные массы русского народа… Я бы не взялся утверждать, что в эти дни Россия была сплочена чувством патриотизма и энтузиазма».

В период наступательных действий русская армия понесла весьма значительные потери в офицерах и солдатах. Особенно чувствительным оказалось то, что большая часть выбывших из строя пришлась на долю кадрового состава армии.

К зиме некомплект в армии оказался угрожающим; пополнить же его должным образом не было возможности ввиду отсутствия винтовок. А те люди, которых удалось вооружить,

оказывались недостаточно обученными. Не менее печально обстояло дело и с материальным снабжением армии. Война потребовала такого расхода боевого материала, какое не могло себе представить даже самое смелое воображение. К сожалению наша отечественная промышленность не могла справиться с предъявленными ей требованиями. Но хуже всего было то, что в тылу не сразу поняли масштабы войны и не поверили требованиям Ставки, считая их преувеличенными, а потому не сразу напрягли усилия для исправления обнаруженных недочётов. Было упущено драгоценное время.

Генерал Брусилов: «Новоприбывшие солдаты были очень плохо обучены и прибывали невооружёнными, а у нас для них не было винтовок. Пока мы наступали, всё оружие, оставшееся на полях сражений (наше и неприятельское) собиралось особыми командами и по исправлении шло опять в дело. Теперь же, при нашем отходе, получилось обратное: всё оружие от убитых и раненых попадало в руки врага. Внутри страны винтовок не было. Приказано было легкораненым идти на перевязочные пункты обязательно с оружием, за это выдавались даже наградные деньги, но меры эти дали весьма незначительные результаты.»

Из речи члена Государственной думы Шингарёва: «В армии справедливо жалуются, что приходящие туда на пополнение частей запасные недостаточно обучены, что приходят они сплошь и рядом невооружённые, не имеющие достаточного опыта обращения с оружием, не имеющие достаточного навыка к самым необходимым приёмам военного дела… Вы видите, господа, что в деле людского запаса, хотя мы имеем громадное преимущество над нашим врагом, хотя мы можем продолжать борьбу ещё долгие и долгие месяцы, пользуясь этим запасом, мы всё же должны сказать нашему Военному министерству: помните, что эти запасы уже последние, помните, что вы должны относиться к ним чрезвычайно бережно, помните, что вы не должны, подобно вашим предшественникам, вести дело так, чтобы мы тратили людей даром и зря…»

Генерал Зуев в письме генералу Поливанову выразился крайне жёстко по поводу гибели живой силы: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и равняют с землёй всякие окопы и сооружения. Они тратят металл, мы – человеческую жизнь. Они идут вперёд, окрылённые успехом, мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим.»

Из доклада Особого Совещания: «Ваше Величество, пополнение армии за счёт людского запаса в стране, в размере 300 тысяч человек в месяц не только совершенно неисполнимо, но вообще включение в ряды войск сколько-нибудь значительной

части оставшегося в стране взрослого мужского населения, всецело занятого работой, так или иначе связанной с той же обороной государства, невозможно без вящего расстройства всего государственного организма.»

В записке председателя Государственной Думы сказано: «Высшее командование не считается с потерями в живой силе и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.» сказано также, что «Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию, а также не имеет единообразных методов обороны и нападения».

Н.Л.Кладо: «Сбивчивость в исследовании в области военных явлений главным образом вызывается тем, что, во-первых, между элементами этих явлений и самими явлениями не существует точных доказательных соотношений, как это имеет место в математике… Единственный доказательный опыт – это война, но мы не руководим этим опытом, как это делается в естественных науках, а только наблюдаем его. Время, обстановка и течение этого опыта ни в коей мере от нас не зависят, и, понятно, не могут зависеть. И никто не возьмёт на себя даже пожелания возможности такой зависимости – война слишком серьёзное и страшное явление, чтобы даже тень её могла быть вызвана для опыта.»

И ещё: «Верный «военный взгляд» в любой области военного дела не свалится с неба с получением звания начальника. Для приобретения его нужна долгая практика, хотя бы и в мирное время, но организованная так, чтобы опытность и глазомер могли быть получены в наикратчайший промежуток времени, чтобы насколько то возможно устранить бесполезные опыты, отнимающие много времени и приводящие лишь к сознанию сделанной ошибки. Одним словом, надо организовать правильную систему подготовки к боевой деятельности, ведущую к истине прямым путём, а не окольной дорогой всяких попыток, не имеющей под собой никакой почвы. Практиковаться же, не разобрав вопроса в теории, это значит бродить в темноте, надеясь набрести на истину ощупью.»

Как подтверждение этих мыслей Николая Лаврентьевича, написанных за год до начала мировой войны, прозвучал в самом разгаре этой войны доклад членов военно-морской комиссии Государственной Думы императору Николаю II: «Мы узнали, что замещение ответственных военных должностей, как то: начальников дивизий и командиров корпусов совершается по старшинству в чинах, по особому списку, в котором изображено старшинство генералов, и если делается исключение, то лишь для тех, кто имеет сильных покровителей и заступников. Таким

образом, не доблесть, не талант, не знание, не военное искусство, явленное на деле, служат руководящим началом при движении на служебной лестнице, а иные соображения. При этих условиях действительно способные люди, настоящие военачальники, могущие нести войска к победе, только в редких случаях подымались на высшие ступени командования… Меж тем в военном деле, быть может, три четверти успеха лежит в искусном подборе командного состава, и потому нынешний порядок назначения является губительным для победы… Мы узнали всё это, Государь, но мы узнали и нечто горшее. Мы узнали, что от всего этого, от всех этих бед и настроений заколебался самый дух войск и дух народный. Видя нерадение, непредусмотрительность, отсутствие порядка, войска стали утрачивать доверие к своим начальникам.»

«Русский народ, – вспоминал генерал Данилов, – оказался психологически к войне неподготовленным. Главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себе отчёт, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны. Крестьянин шёл на призыв потому, что привык вообще исполнять всё то, что от него требовала власть. Он терпеливо, но пассивно нёс свой крест… Не было здорового понимания долга и в кругах интеллигенции. Это лучше всего доказывается обилием лиц, искавших случая или возможности уклониться от призыва вовсе или, в крайности, – избежать тягости службы на фронте, пристроившись в тылу.»

Генерал Драгомилов: «Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний, мол, нам не надо немецкой земли, а до нас немцы не дойдут, не дойдёт и японец.»

Генерал Алексеев: «Армия на краю гибели. Ещё шаг, и она, ввергнутая в бездну, увлечёт за собою Россию.»

На начало войны в российской армии насчитывалось свыше 40 тысяч офицеров, ещё около 40 тысяч было призвано по мобилизации. После начала войны военные училища перешли на сокращённый курс обучения (3-4 месяца), и их выпускники как офицеры производились не в подпоручики, а в прапорщики. С декабря 1914 года так выпускались все офицеры.

Огромные изменения в численности и в качестве офицерского корпуса предполагают коренную ломку всех привычных его характеристик, но ещё больше это усугубилось тем обстоятельством, что во время войны выбыл из строя едва ли не весь кадровый офицерский состав. В результате наиболее распространённый тип довоенного офицера – потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носивший погоны с десятилетнего возраста, пришедший в

училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, практически исчез. В кавалерии, артиллерии и на флоте положение было чуть лучше, вследствие относительно меньших потерь в этих родах войск.

К февральской революции 1917 года русский офицерский корпус уже не был той сплочённой силой, которая обеспечивала внутреннюю и внешнюю безопасность страны на протяжении столетий.

Раньше офицерское сословие включало в себя образованных людей, поскольку в офицеры были произведены практически все лица, имевшие образование в объёме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья. После февральского переворота офицерский корпус полностью утратил свою специфику. Качественный уровень его катастрофически упал: прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров так называемого ускоренного производства были по своей сути совсем не военными людьми. имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, они не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией.

Знаменитый эсер Шкловский писал: «Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью.»

Один из молодых офицеров того времени оставил в своих мемуарах такие слова: «Подумать только: большинство из нас – народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне станут называться ваше благородие. Итак, свершилось. Мы – офицеры. Нет-нет, да и скосишь глаз на погон. Идущих навстречу солдат мы замечаем издали и ревниво следим, как они отдают честь.»

При столь огромном количественном росте офицерский корпус не мог не наполниться и массой лиц не просто случайных (каковыми является абсолютное большинство офицеров любого военного времени), но совершенно чуждых и даже враждебных российской государственности. Если, к примеру, во время беспорядков 1905-1907 годов из 40 тысяч членов офицерского корпуса не нашлось и десятка отщепенцев, примкнувших к бунтовщикам, то в 1917 году среди почти трёхсоттысячной офицерской массы оказались многие сотни членов революционных партий.

Поэтому далеко не все его представители приняли участие в борьбе за российскую государственность против коммунистической диктатуры в годы Гражданской войны, многие отреклись от своего прошлого, от своей профессии…

Март 1917. В Кронштадте толпа матросов и солдат схватила главного командира Кронштадтского порта адмирала фон Вирена, сорвала с него погоны и, избивая, потащила его на площадь, где и убила его, а труп бросила в овраг. Взбесившаяся толпа требовала от офицеров отречения от старого строя. Начальник штаба Кронштадтского порта адмирал Бутаков, потомок известного русского флотоводца (того самого, который написал теоретические исследования по таранному бою), отказался выполнить требования черни и был тут же убит. Один за другим были убиты командир крейсера «Аврора» и командиры кораблей «Верный», «Африка», «Океан», «Меткий», «Уссуриец»…

Впрочем, всей пролитой крови не измерить, да и речь не о том. Просто упоминая даже вскользь о том жутком времени, нельзя не коснуться страшной стороны дела. После февраля положение офицеров превратилось в сплошную муку, так как антиофицерскую пропаганду большевиков, стоявших на позициях поражения России в войне, ничто не сдерживало. Желание офицеров сохранить порядок в армии и флоте, наталкивалось на ожесточённое противодействие солдат и матросов.

Генерал Драгомилов отмечал, что «ужасные слова приверженцы старого режима выбросили из армии лучших офицеров».

«Рядовое офицерство, растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции и никак не могло взять надлежащего тона с солдатской массой. А на верхах, в особенности среди Генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, старавшийся угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-общественной карьеры.» (Деникин, из «Очерков русской смуты»)

Как ни странно, но, несмотря на клокотавшую революционную бурю Николай Лаврентьевич Кладо не только не был сметён революционной бурей, а в марте 1917 года был единогласно избран конференцией Морской Академии на пост её начальника.

Пробыв на этом посту два года, Николай Лаврентьевич в буквальном смысле слова отдал всего себя своей работе. Считая первым своим долгом сохранить Морскою Академию и не дать прерваться её научной работе, Кладо привлёк в поредевшие ряды

её преподавателей свежие, молодые силы из числа молодых морских офицеров, умудрённых богатым опытом мировой войны.

В 1919 году в пятом номере «Морского сборника» появился некролог.

«Русскую военно-морскую науку постигла тяжёлая и невосполнимая утрата.

10 июля 1919 года в 2 часа 30 минут пополудни скончался от паралича сердца, после непродолжительных, но тяжких страданий, начальник Морской Академии, заслуженный профессор Николай Лаврентьевич Кладо.

Имя покойного слишком известно не только в среде нашей морской семьи, но и всему читающему русскому народу, чтобы нам приходилось напоминать о его заслугах перед Родиной, перед нашей морской силой, перед осиротевшей русской военно-морской наукой. Полная оценка его научно-морского искусства ещё впереди и должна сама по себе составить капитальный труд, который отразил бы в себе и исследовал всё громадное научное наследство, оставшееся после неутомимой и кипучей деятельности почившего профессора, питавшейся его выдающимся талантом и совершенно исключительной работоспособностью…

…Последней научной работой Николая Лаврентьевича, которой он отдавался с особой любовью, была книга «О насилии», в которой он всесторонне разбирал вопрос о происхождении и неизбежности насилия в природе. Первая часть этой книги носит название «Загадка жизни»; в этой части он касается вопроса о смысле жизни вообще, и человеческой, разумной – в частности… Когда мы провожали его дорогой прах на кладбище, невольно навязывалась в голову мысль о роковой загадке жизни, о неизвестных нам, но могучих её законах, властно разрушающих наши стремления и искания.

Нашёл ли Николай Лаврентьевич за гробом разгадку этой вечной, великой проблемы жизни?…»

НЕНАВИДЕТЬ ИЛИ УМЕТЬ?

Всё чаще и чаще слышны разговоры об армии, о военной реформе, об офицерской чести, о психологии войны и т.д. Всё чаще извлекаются из глубин истории имена тех, кого раньше не желали признавать вовсе, но теперь поднимают на пьедестал героев, а есть и такие, которых опрокидывают, как отслуживших

свой срок идолов. Впрочем, последних становится всё меньше и меньше. И не потому, что уменьшается их число, а потому, как мне кажется, что снижается агрессивное желание мазать грязью свою историю, рвать её на куски, обличать, наслаждаться унижением поверженных лидеров былых эпох. Время разнузданных шабашей ушло. Я в этом уверен.

И всё же есть в истории некоторые грани, которые вызывают и будут вызывать разнотолки, приверженцы той или иной идеи будут менять слова местами в чьих-то высказываниях и выдавать субъективность за объективность, свои желания и устремления – за устремления всего человечества, тупость – за твёрдость, ограниченность – за дисциплинированность, ненависть – за убеждённость.

Николай Лаврентьевич Кладо, о котором я хочу вкратце рассказать, был выдающимся военным теоретиком конца19-начала20 веков. В России он по праву считается основателем науки о стратегии. Кого-то это может удивить, мол, как же так, мол, двадцатый век был на дворе, а наука о стратегии разве отсутствовала?

Да, отсутствовала. Человечество воевало на протяжении тысячелетий, а науки о войне так и не создало, как это ни парадоксально звучит. Первая военная академия была основана в Берлине лишь в 1816 году, а следующая появилась в 1832 году в России. Впрочем, в изучении военных вопросов предпочтение отдавалось тактике, а не стратегии. В 1865 году генерал Леер был вынужден констатировать, что в нашей академии преподавание стратегии сводилось «к обзору наиболее выдающихся сочинений по стратегии исключительно в догматической форме, то есть к чистому умозрению», а военная история, то есть тот фундамент, на который могло бы опираться это умозрение, преподавалась так, что один из профессоров назвал этот курс «вензелями, написанными ногами армии», и офицеры-слушатели окрестили военную историю «наукой о том, кто куда пошёл». Будущих командиров никто не учил мыслить широко.

В то время, когда появились дальнобойные орудия, торпеды, паровые корабли, слушатели академии продолжали изучать Цезаря и Наполеона, морские сражения парусного флота.

Генерал Куропаткин заметил в 1910 году, что «с усложнившейся обстановкой войны наш командный состав во многих случаях оказывается не на должной высоте. Младшие офицеры были храбры, распорядительны, но недостаточно сведущи; начальники частей, давая иногда отрадные исключения, не были достаточно подготовлены к наилучшему использованию боевой способности вверенных им частей. Но наиболее слабым

оказался генеральский состав: бригадные, дивизионные и корпусные командиры. За исключением нескольких блестящих имён, большинство не было подготовлено к распоряжению в бою войсками всех трёх родов оружия; не умели установить связи между частями, входившими в состав вверенных им сил и не умели поддерживать связь по фронту с соседями… Бездействие с отговоркою «не получал приказания», когда били соседей, не было редким явлением».

«Самые сложные из всех наук, – размышлял Николай Кладо, – это социальные, а сложнейшая между ними – наука о войне. В ней приходится исследовать помыслы и действия людей в сфере смертельной опасности, что представляет собой исключительную трудность, которая увеличивается ещё тем, что цель науки – выработать указания для победы над врагом, который столь же страстно хочет победить вас, всегда представляют для вас в значительной мере загадку, так как он всеми мерами скрывает от вас свои помыслы».

Кладо настаивал на том, что главная задача всякой военной академии – работать над установлением единства военного мышления в военном сословии. «Без такого единства всегда было трудно воевать, а теперь это положительно немыслимо. Ни один начальник ни в какой области, даже в самой тесной, например даже на отдельном корабле, не может предвидеть всё и всем распорядиться сам – он должен во многом предоставить широкую инициативу своим подчинённым… К этому невозможно сколько-нибудь приблизиться без единства военного мышления».

В то же самое время этой проблемой занимался вице-адмирал Степан Осипович Макаров – флотоводец и видный военно-морской теоретик. В 1897 году Макаров опубликовал капитальный труд «Рассуждения по вопросам морской тактики». Любопытно, что адмирал Макаров рассуждал о тактике, а лейтенант Кладо взялся за исследование проблем стратегии, то есть обратился к высшей области военно-морской науки, к которой смели подступить немногие. Стратегическим мышлением обладают единицы. Тем более мышлением, способным обобщить имеющийся опыт всех предыдущих войн, переработать его и превратить в научную систему.

Путь Николая Лаврентьевича Кладо был не из лёгких. После ряда публикаций в газете «Новое время», считавшейся оппозиционной, Кладо был уволен со службы, затем восстановлен. Он читал лекции в Морской Академии, в Кронштадтском морском собрании, в обществе ревнителей военных знаний…

Когда во время войны 1914 года русская армия стала нести

колоссальные потери, председатель Государственной Думы направил записку на имя императора. В той записке было сказано: «Высшее командование не считается с потерями в живой силе и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.» сказано также, что «высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию, а также не имеет единообразных методов обороны и нападения».

Но разве это было новостью? Кладо твердил об этом на протяжение многих лет, доказывал необходимость развития стратегического мышления, предупреждал о катастрофических последствиях метода «проб и ошибок» на войне. «Сбивчивость в исследовании в области военных явлений главным образом вызывается тем, что, во-первых, между элементами этих явлений и самими явлениями не существует точных доказательных соотношений, как это имеет место в математике… Единственный доказательный опыт – это война, но мы не руководим этим опытом, как это делается в естественных науках, а только наблюдаем его. Время, обстановка и течение этого опыта ни в коей мере от нас не зависят, и, понятно, не могут зависеть. И никто не возьмёт на себя даже пожелания возможности такой зависимости – война слишком серьёзное и страшное явление, чтобы даже тень её могла быть вызвана для опыта».

В марте 1917 года Кладо был избран начальником академии. В 1919 году он скончался. Постепенно его имя забылось, его идеи словно растворились. Почти все его ученики погибли в годы сталинских репрессий.

И вот понемногу о нём начинают вспоминать. Но теперь, когда понятие «стратегическое мышление» стало вроде бы само собой разумеющимся, а Кладо признан основоположником военно-морской науки, может возникнуть новый крен, как это нередко происходит в тех случаях, когда кого-то начинают чрезмерно превозносить.

В одной из своих центральных работ, которая называется «Ведение в курс истории военно-морского искусства», Кладо приступил к серьёзному обсуждению вопроса о том, почему Россия потерпела сокрушительное поражение в русско-японской войне. Его ответ звучит как приговор: русская армия не умеет воевать. Не в том смысле, что солдаты не умеют пользоваться оружием, а что у русского народа есть «характерная черта, вошедшая и в традиции – пренебрежение к той части военного искусства, которая заключает в себе уменье предвидения, заблаговременной подготовки и руководительства». Не относится ли это впрямую к нашим военным, застрявшим в Чечне, а в былые времена увязшим в Афганистане? Этот же вопрос относится и к

политикам, ибо война и политика неразделимы.

Но в этой же работе Кладо подходит в вопросу о победе и с другой стороны. В качестве мерила «способности побеждать» Кладо выводит ненависть, очень тщательно обосновывая эту позицию высказываниями многих видных военных деятелей. Вот цитата: «Джен считает, что степень стремления в народе к победе к истреблению своего противника выражается в личной живой ненависти к нему… Знаменитый адмирал Нельсон говорил, что хороший английский офицер должен ненавидеть француза, как самого чёрта. Это было грубо, но говоря так, Нельсон только показывал своё понимание сущности дела… Способность побеждать является следствием личной ненависти к врагу. С наибольшей силой это качество проявляется в том случае, если ненавистью пропитан весь народ, но хорошо, если ею воодушевляется хотя бы только военное сословие. И мне думается, нет у нас этой ненависти, а потому нет у нас настоящей способности побеждать».

Высказывая эту мысль, Николай Кладо забывает, к сожалению, что мы не англичане и не французы, не японцы и не германцы. Мы – Россия. Нам ненависть не нужна. Мы достаточно велики, чтобы жить без ненависти. Ненависть нужна только малым странам и малым народам, ибо у них всегда обострено до болезненности чувство собственного достоинства. Малые народы полны национальных амбиций, им надо противопоставлять своё собственное «Я» другим народам, чтобы не раствориться в них, сохранить своё лицо. Россия настолько велика и многолика, что она не может взращивать в себе ненависть, иначе она передерётся внутри себя.

После печального для России завершения русско-японской войны Кладо написал: «Японцы, когда мы помешали им утвердиться на материке после их войны с Китаем, возненавидели нас за это жестоко. Десять лет вся нация воспитывалась в непримиримой ненависти к России и воспользовалась первым благоприятным случаем, чтобы жестоко нам отомстить… А ненавидим ли мы Японию за то, что она отобрала у нас половину Сахалина, отбросила нас от свободного океана, сделалась хозяйкой в наших рыбных промыслах, унизив нас перед всем миром?»

Но почему Кладо употребляет слово «унизить»? Разве ученик, не подготовивший домашнее задание и получивший за это «двойку», может считаться униженным? Разве должен он ненавидеть учителя за «двойку»? Россия не подготовилась к войне с Японией, отнеслась к ней халатно, по-настоящему безалаберно. Николай II брезгливо говорил о японцах «эти макаки»,

императору вторили высокопоставленные чиновники, все надеялись на «авось», артиллеристы наши, как вспоминает полковник Генерального штаба Грулев, «пошли на войну, почти совершенно не зная свойств своей новой пушки». За что же нам всем, и солдатам в частности, ненавидеть Японию? В солдатах естественным образом зародилась ненависть по отношению к своему правительству, которое решило одержать победу количеством «живого мяса», а не хорошей подготовкой к боевым действиям.

Наш народ всегда будет винить в неудачах своё руководство, а не врага, и в этом наш народ прав. Через это развалилась великая империя под названием Советский Союз. Нас учили ненавидеть мир капитализма, не создав твёрдой базы для благополучной жизни на нашей территории. И вот мы имеем результат…

Нет, призывая страну ненавидеть врага, Кладо глубоко заблуждался. Но беда не в его заблуждении, а в том, что сегодня его имя начинает звучать с новой силой, на него указывают военные специалисты, его начинают цитировать. А вот это уже чревато дурными последствиями.

Кладо был ведущим специалистом в области стратегии. Он разработал основы науки о стратегии, объяв взглядом величайшие пространства военного мира. Но талантливый стратег и великий философ – далеко не одно и то же. Полагаю, что Кладо понимал это. Не случайно ведь он, рассуждая о необходимости ненавидеть, всё же приводит слова Достоевского, который высказался в «Дневнике писателя» на эту тему так: «Я просто говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия…»

Разве не должно радовать нас сознание того, что мы легко прощаем? Забывать нам, конечно, ничего не следует, но копить ненависть к кому-то – хуже быть не может. Ненависть даже не воинственна, она просто разрушительна, она низменнее, чем война, ибо войну можно остановить, а ненависть нельзя.

«Литературная Россия» №28, 2002